

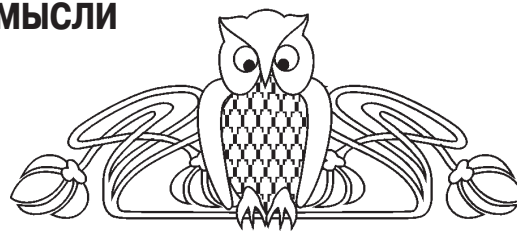

3. Borries B. von. *Geschichtslernen und Geschichtsbe-
wusstsein. Empirische Erkundungen zu Erwerb und
Gebrauch von Historie* (History education and historical
consciousness. Empirical explorations to acquisition and
use of history). Stuttgart, 1988. 256 p.
4. Linchenko A. A. Problema istoricheskogo soznaniya v
filosofii i teorii istorii Jorna Ryuzena (The problem of
historical consciousness in the Jörn Rüsen's philoso-
phy and theory of history). *Izv. Saratov Univ. (N. S.),
Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13,
iss. 4, pp. 22–27.
5. *Youth and History: A comparative European survey on
historical consciousness and political attitudes among
adolescents*: vol. A, B. Ed. by M. Angvik, B. von Borries.
Vol. A: Description. Hamburg, 1997. 482 p.
6. Polkinghorne D. Narrative psychology and historical con-
sciousness: Relationships and perspectives. *Narration,
identity and historical consciousness*. Ed. by J. Straub.
London, 2005, pp. 3–23.
7. Straub J. Telling stories, making history. Toward a nar-
rative psychology of the historical construction of mean-
ing. *Narration, Identity and historical consciousness*.
London, 2005, pp. 44–99.
8. Kölbl C., Straub J. *Historical consciousness in Youth.
Theoretical and Exemplary Empirical Analyses*. Forum
Qualitative Sozialforschung. 2001. Vol. 2, no. 3. Sep-
tember. Available at: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-01/3-01koelblstraub-e.htm> (accessed 12 May 2012).
9. Kölbl C. *Geschichtsbewußtsein im Jugendalter. Grund-
züge einer Entwicklungspsychologie historischer
Sinnbildung* (Historical consciousness in adolescence.
Principles of Developmental Psychology of historical
sense-making). Bielefeld, 2004. 389 p.
10. *Erfahrung und Geschichte: historische Sinnbildung im
pranarrativen* (Experience and history: historical sense-
making in prainarrative). Ed. by Th. Breyer and D. Creutz.
Berlin; New York, 2010. 372 p.

УДК 111+929 Ницше

ОНТОЛОГИЯ НИЦШЕ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ МЫСЛИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Магда Андрей Владимирович –
аспирант кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: saratovrai1@gmail.com

В статье рассматривается феномен адаптации онтологии Ницше в русской культуре Серебряного века и влияния немецкого философа на символизм. Особое внимание уделяется новой интерпретации ницшеанской философии в контексте отечественной мысли России, в частности В. С. Соловьевым. Критическая оценка нравственных устоев интеллигенции той эпохи основывается на статье С. Л. Франка, которая отражает позицию русской интеллигенции после революции 1905–1907 гг. Исследуются в онтологической перспективе кризисные явления нигилизма, вызвавшие трагические и переломные процессы трансформации культурно-философского поля русской мысли.

Ключевые слова: онтология, нигилизм, Ницше, Серебряный век, символизм.

Фридрих Вильгельм Ницше – философ, всегда устремленный в будущее, который, живя в XIX в., продумал проблемы следующего, XX в., поэтому огромно влияние его философии и на XXI в. Удивительно звучат слова Ницше о себе: «Я знаю свою судьбу. Мое имя будут вспоминать в связи с кризисом, какого никогда не было на земле, глубочайшим конфликтом сознания, разрывом со всем, во что раньше свято верили. Я не человек, я динамит. Я опровергаю

все, как никто и никогда не опровергал, и все же я – антитезис негативного духа <...> И вместе с тем, я еще и необходимым образом – человек судьбы <...> Грядут войны, каких еще земля не видала. С меня начинается на земле великая политика» [1, с. 266].

Ницше понимает себя именно как человека судьбы, того, кто противостоит всему. Немецкий философ разоблачает идеализм и историцизм: «Прогресс – всего лишь новомодная идея, к тому же ложная» [1, с. 266]. Заявления точных наук об обладании истиной для него беспочвенны. У Ницше Бог мертв. Христианство и христианское сострадание суть болезнь. Происходит противопоставление морали рабов и морали аристократов. Победа аристократической морали – это сказать «да» себе. Раб говорит «да» другим, но не самому себе. «Умоляю вас, братья мои, оставайтесь верными земле, не доверяйтесь тем, кто внушает вам сверхъестественные надежды. Они отравляют вас, сознательно или нет. Они глумятся над жизнью, отравители самих себя: земля устала от них, так гоните же их прочь!» Из

этого вытекает другое заявление: «Не зарывайте голову в песок небесных истин, несите ее гордо: земная голова, которая творит, есть соль земли. Сверхчеловек – вот соль земли» [1, с. 267].

Эти слова Фридриха Ницше с особой остротой и вниманием были восприняты русской культурой Серебряного века, в период, хронологически связываемый и совпавший с эпохой модернизма. На пороге нового века в России кардинально менялись глубинные начала жизни: традиционные идеи любви, смерти, реальности и души, не изменявшиеся целые столетия, перестали оказывать прежнее влияние на общественное сознание, отрицаются ценности XVII–XIX вв. В кризисе оказываются все традиционные регуляторы существования – религия, мораль, право, начинался век модерна.

Открытие новой философской современности происходит на фоне популярности учения Ницше. Крушение старой картины мира происходило параллельно в разных сферах: модерн – в искусстве, нигилизм – в ницшеанской философии, в физике – теория относительности Эйнштейна.

Отметим, что к концу первой декады XX в. насчитывалось более ста статей и монографий о Ницше на русском языке, издавались переводы его произведений. Николай Бердяев полагал, что философская система Ницше, если уместно в случае Ницше говорить о какой-либо системе, оказала «самое сильное западное влияние на русский ренессанс» [2, с. 255]. Однако Бердяев обращает внимание на саму специфику восприятия идейного наследия Ницше в России, поскольку русским сознанием начала XX в. «в Ницше воспринято было не то, о чем больше всего писали о нем на Западе, не близость его к биологической философии, не борьба за аристократическую расу и культуру, не воля к могуществу, а религиозная тема. Ницше воспринимался, как мистик и пророк» [2, с. 256]. Подобная религиозная интерпретация философии Ницше представлена в статье В. Иванова «Ницше и Дионис». В ней сделана попытка «вместить» Ницше в рамки христианской (православной) традиции: «Трагическая вина Ницше в том, что он не уверовал в Бога, которого сам открыл миру» [3, с. 151]. Бердяев особо подчеркивал, что воздействовал на русскую культуру Серебряного века немецкий философ «наряду с Владимиром Соловьевым» [2, с. 266]. Или Ницше повлиял на русскую культуру через Соловьева?

Одной из основных работ, осмысляющих философию Ницше, является статья Соловьева «Идея сверхчеловека», которая впервые была

опубликована в журнале «Мир искусства», где ясно и четко обрисован (на примере философии Ницше) сам подход к интерпретации (в контексте русской культуры) идей и принципов философии, а как итог – механизм ее русификации и усвоения.

В начале своей статьи Соловьев, ссылаясь на номер московского журнала «Вопросы философии и психологии», дает цитату из обзора В. Преображенского: «К некоторому несчастью для себя, Ницше делается, кажется, модным писателем в России; по крайней мере, на него есть заметный спрос» [4, с. 143]. Затем следует комментарий: «“несчастье” такой моды есть, однако, лишь необходимое отражение во внешности того внутреннего факта, что известная идея действительно стала жить в общественном сознании: ведь прежде, чем сделаться предметом рыночного спроса, она, разумеется, дала ответ на какой-нибудь духовный запрос людей мыслящих» [4, с. 144]. Соловьев приводит пример развития моды на философию: 50–60 лет назад в России была мода на Гегеля (1830–1840-е гг.); позже, в 1860–1870-е гг. увлекались позитивизмом (О. Контом) и Ч. Дарвиным. Автор замечает в таком движении философской моды определенный, прежде всего духовный, смысл. Он пишет, что «пройти через культ естествознания после гегельянских отвлеченностей было необходимо и полезно для всего русского общества в его молодых поколениях» [4, с. 146]. Но и это, по убеждению русского философа, имеет свой культурно-философский смысл лишь как переходный этап к современному (для Соловьева) этапу.

Кроме того, сравниваются марксизм, толстовство и ницшеанство: «Всякая идея сама по себе есть ведь только умственное окошко. В окошко экономического материализма мы видим один задний, или, как французы говорят, нижний двор истории и современности; окно отвлеченного морализма выводит на чистый, но уж слишком, до совершенной пустоты чистый двор бесстрастия, опрощения, непротивления, неделания и прочих *без и не*; ну, а из окна ницшеанского “сверхчеловека” прямо открывается необъятный простор для всяких жизненных дорог и, если, пускаясь без оглядки в этот простор, иной попадет в яму, или завязнет в болоте, или провалится в живописную, величавую, но безнадежную пропасть, то ведь такие направления ни для кого не представляют безусловной необходимости, и всякий волен выбрать вон ту верную и прекрасную горную дорожку, на конце которой уже издалека сияют среди тумана озаренные вечным солнцем надземные вершины» [4, с. 146].

Ницшеанство способно открыть внимательному читателю нравственно-философский простор, который включает, безусловно, риски и озарения. Возможно, что демонизм ницшеанского сверхчеловека оказывается у Соловьева лучшим средством внутренней эволюции общества по направлению к Богочеловечеству.

В своем очерке о Фридрихе Ницше А. Белый сопоставляет немецкого философа с Христом. Безусловно, сравнение звучное, но схватывается верная мысль: Ницше предчувствовал, что в будущем грядут испытания. Он предвидел, что человек встанет на грань между двумя данностями, согласно А. Белому – смертью и воскресением. А. Белый пишет о непонятости Ницше: «Вместо того чтобы понять проклятие Ницше, точно предвидевшего за 25 лет степень нашей изломанности, мы, с хитрой улыбкой, почтительно выслушиваем проклятие: великому человеку-де свойственны преувеличения!» [5, с. 87]. Очевидно, что Ницше является для А. Белого личностью, которую еще не разгадали. И смысл его творчества будет раскрыт позднее, а наследие будет воспринято уже будущей, новой культурой.

В какой-то мере в русской культуре Серебряного века Ницше является не философом, а поэтом, автором поэмы «Так говорил Заратустра». Его видение мира поражает русских символистов, кажется пророчеством, откровением, открывающимся только художественным гениям. Ницше читается символически и мифологически. Он обретает те черты, которые желают видеть читатели Серебряного века, а значит, перекликающиеся, прежде всего, с национальным менталитетом, а затем – со всемирной культурой.

Не могла русская культура обойти вниманием и такой важный момент философии Ницше, как нигилизм. С. Л. Франк в статье 1909 г. «Этика нигилизма» выносит диагноз интеллигенции того времени: «Противокультурный нигилистический морализм. Пациент оказывается бессильным, непроизводительным, несостоявшимся морально и с культурно-философской точки. Автор не останавливается и разбирает психологию интеллигента дальше, глубже: «В этом распространенном стремлении успокаиваться во всех случаях на дешевой мысли, что “виновато начальство”, сказывается оскорбительная рабья психология, чуждая сознания личной ответственности и привыкшая свое благо и зло приписывать всегда милости или гневу посторонней, внешней силы» [6, с. 80]. Проблема неудачи революции 1905–1907 годов сама собою перемещается из политической в культурно-философскую и моральную. Пожалуй, в этом заключается вся

«завязка» статьи. Вопрос о неудаче переходит в более обширный – о ценности интеллигентской веры.

Итак, есть конкретная задача – критически уяснить и оценить нравственное мировоззрение интеллигенции. Решая её, Франк пишет о морализме интеллигенции, которая «не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые <...> Ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют власти над сердцем русского интеллигента» [6, с. 82]. Надо пояснить, что религиозные умонастроения сводятся автором к осознанию сверхчеловеческого значения высших ценностей. Отсюда следует простой вывод: всякое мировоззрение, для которого идеал имеет относительный (человеческий) смысл, будет нерелигиозным. Всякая нигилистичность, утилитарное поклонение внешним жизненным благам не имеет ничего общего с религиозностью.

После чего мы находим главный тезис Франка в этой статье: «Морализм русской интеллигенции есть лишь выражение и отражение ее нигилизма» [6, с. 84]. Весь характер русской интеллигенции выводится из ее нигилизма (отрицания абсолютных ценностей), а морализм выступает как обязывающая вера. Сознание объявляется лишенным веры в абсолютные ценности (религию, истину, красоту), и мораль главенствует над таким сознанием. Если мораль же опирается на веру в абсолютные (объективные) ценности, то она является служебным средством. При чтении статьи постоянно появляется мысль, что Франк весьма нигилистически рассуждает о нигилизме русской интеллигенции, так как объективными ценностями называются религия, красота, истина, а отсутствие этой объективной истины в жизни принимается как факт.

Согласно философии Ницше, существует два основных вида нигилизма: первый отрицает традиционные ценности, но не создает взамен других. Второй же, разрушая старое и больное, строит новое, здоровое, молодое, сильное. Франк пишет: «Пора, во всей экономике национальной культуры, сократить число посредников, транспортеров, сторожей, администраторов и распределителей всякого рода и увеличить число подлинных производителей. Словом, от распределения и борьбы за него пора перейти к культурному творчеству, к созданию богатства» [6, с. 101]. Социалистическая интеллигенция занимается именно распределением и не участвует в созидании народного

достояния. Она «ценит в материальной, как и в духовной области одно лишь распределение, а не производство и накопление, одно лишь равенство в пользовании благами, а не самое обилие благ» [6, с.104]. В данном высказывании Франк заметно явное противоречие ницшеанской идее дионисийства как действительно богатой жизни.

Средством от такой серьезной нигилистической болезни Франк считает переход к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму. Если в статье Соловьева «Идея сверхчеловека» демонстрируется механизм русификации философии Ницше, то Франк применяет эту философию для анализа действительной позиции, в которой оказалась русская интеллигенция после революции 1905–1907 гг.

Став явлением русской культуры, «Ницше» (как объединение идей, образов и представлений, с ним связанных) в понимании мыслителей и художников Серебряного века стал зеркалом, в котором отражались кризисные процессы русского общества того времени. Внутренняя противоречивость, дисгармоничность этого символа были адекватными эпохе, наполненной ожиданиями приближающейся катастрофы и неразрешимыми противоречиями, лишней раз, вместе с Франком, напоминая современникам мысль ницшеанского Заратустры: «не вокруг творцов нового шума, – вокруг творцов новых ценностей вращается мир; он вращается неслышно».

Список литературы

1. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. СПб., 1997. Т. 4. 880 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея : основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 1990. 224 с.
3. Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. 428 с.
4. Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. 822 с.

5. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. 528 с.
6. Франк С. Л. Философия истории в России. Этика нигилизма. М., 1996. 608 с.

Nietzsche's Ontology in the Mirror of Russian Thought of the Silver Age

A. V. Magda

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: saratovrai1@gmail.com

The article discusses the phenomenon of adaptation of Nietzsche's ontology in the Silver Age of Russian culture and the influence of the German philosopher on symbolism. Special attention is devoted to the procedure of reinterpretation of Nietzschean thought in the Russian philosophical context that was described by Vladimir Solovyov. The critical evaluation of the moral principles of intellectuals of that time is based on Semyon Frank's famous article on nihilism, that demonstrates viewpoint of the Russian intelligents after the revolution of 1905–1907. Nihilistic appearances that caused tragic and crucial processes of transformation of Russian cultural and philosophic field are examined from the ontological perspective.

Key words: ontology, nihilism, Nietzsche, Silver age, symbolism.

References

1. Reale G., Antiseri D. Il pensiero occidentale dalle origini ad oggi: in 4 vol. Brescia, 1983. Vol. 4. 880 p. (Russ. ed. Reale G., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dney: v 4 t.* St.-Petersburg, 1997. Vol. 4. 880 p.)
2. Berdyayev N. A. *Russkaya ideya: osnovnyye problemy russkoy mysli XIX veka I nachala XX veka* (Russian Idea: the main problems of Russian thought of the XIX and beginning of the XX century). Moscow, 1990. 224 p.
3. Ivanov V. I. *Rodnoye I vselenskoye* (The native and the universal). Moscow, 1994. 428 p.
4. Solovyov V. S. *Soch.: v 2 t.* (Works: in 2 vol.). Moscow, 1990. Vol. 2. 822 p.
5. Belyi A. *Simvolizm kak miroponimaniye* (Symbolism as understanding of the World). Moscow, 1994. 528 p.
6. Frank S. L. *Soch.* (Works). Moscow, 1990. 608 p.